

УДК 903.43

А.П. Бородовский¹, С.В. Горохов²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: 32S@mail.ru*²*Новосибирский государственный педагогический университет**ул. Вилойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия**E-mail: gorohov100@rambler.ru*

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

(археологические исследования 2002–2004 гг.)*

Умревинский острог – один из уникальных объектов, связанных с освоением русскими Верхнего Приобья в начальный период вхождения территории юга Западной Сибири в состав Российского государства. В результате археологических исследований установлено, что его оборонительные сооружения представлены внутренним и внешним валами, рвом, набережной угловой башней, тыном и помостом. Выявлены два строительных периода; первый связан с сооружением палисада в виде тына и земляных оборонительных сооружений – первая треть XVIII в.; второй – с возведением угловой набережной башни, строительство которой сопровождалось комплексом ритуальных действий (закладное захоронение, закладная монета) – 1730–1734 гг. К концу XVIII столетия оборонительные укрепления пришли в негодность, а на территории острога начал формироваться некрополь.

Введение

На территории Новосибирской обл. первый русский острог появился в 1703 г. в устье р. Умревы [Миненко, 1989] (рис. 1). В течение первого десятилетия XVIII в. шло целенаправленное размещение оборонительных сооружений на левом и правом берегах р. Оби, по направлению с севера на юг. Строительству Умревинского острога благоприятствовали два обстоятельства: поражения, нанесенные кыргызам в 1701 г. отрядами Алексея Кругликова (на Божьем озере и у с. Пачинского на р. Томи) и Ивана Тихонова Великосельского (в урочище Караказ), и увод кыргызов джунгарами в 1703 г. в глубинные районы своего ханства [Кызласов, 2003, с. 139]. В 1702 г. служилые люди под руководством томского сына боярского А. Кругликова,

поднявшись вверх по р. Оби от Уртамского острога до р. Умревы, определили место нового острога. Через год он был поставлен в 450 м выше устья р. Умревы на берегу Умревинской протоки р. Оби для охраны русских поселений на южной границе Томского уезда от набегов калмыков и осуществления административных функций на обском правобережье до устья р. Ини на юге, а также для усиления контроля над чатскими татарами, чьи юрты размещались в обширной пойме Оби напротив впадения в нее рек Ояш, Умрева и Порос.

Умревинский острог просуществовал менее 100 лет, трансформировался в некрополь, а большинство жителей переселилось в с. Умрева. В дальнейшем на этом месте не было населенных пунктов. Последний раз его отметил на карте проф. А. Зайцев в 1895 г. при прокладке линии Сибирской железной дороги [Геологические исследования..., 1896, с. 13]. В XX в. острог оказался в забвении, и долгое время место его расположения оставалось неизвестным. Ситуация из-

*Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 08-06-00429) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-6568.2006.6).

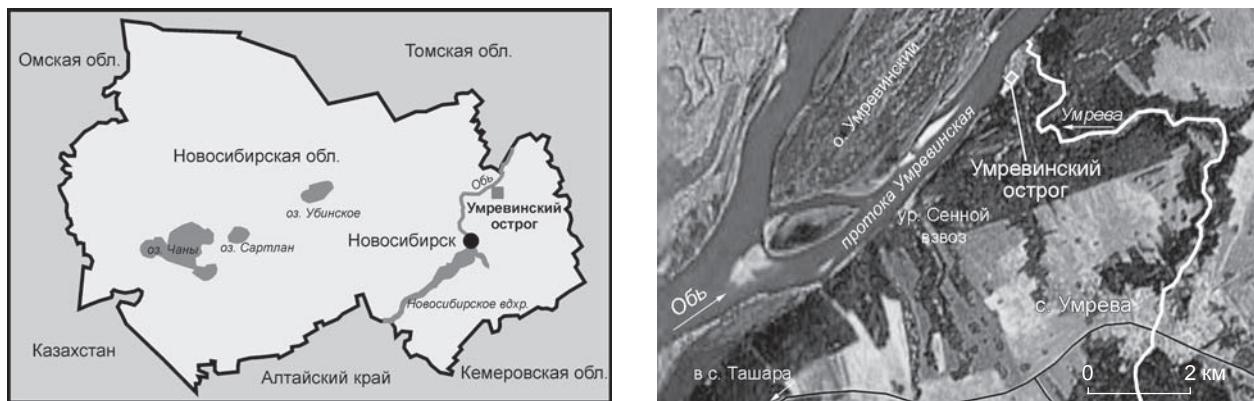

Рис. 1. Расположение Умревинского острога.

менилась в конце прошлого столетия, когда усилиями главного археолога Новосибирской обл. С.В. Колонцова и благодаря рекомендациям краеведа К.П. Зайцева местонахождение этого памятника было вновь установлено [Бородовский, 2002; Бородовский, Бородовская, 2003, с. 10–11; Бородовский, Косарева, 2003, с. 15–18].

Размеры Умревинского острога были значительны. Его внутреннее пространство представляет собой прямоугольник 53×65 м ($3\ 420$ м 2). Площадь вместе с земляными оборонительными сооружениями составляет ок. 7 700 м 2 . Умревинский острог был больше Ляпинского ($42\ (39,5) \times 26\ (24)$ м) и Казымского ($58\ (42) \times 40$ м) на средней Оби (рис. 2); по размерам он наиболее близок Саянскому (на среднем Енисее) [Скобелев, 1999], протяженность земляных укреплений которого составляла 270 м (65×70). В архитектурно-планировочном отношении сибирские остроги представляли собой различные варианты четырехугольников [Баландин, 1974], вытянутых вдоль берега реки, как правило, по линии север – юг. Такая форма была удобна для организации обороны и наиболее рационального использования земли внутри них. При этом конфигурация острогов учитывала рельеф местности. Оборонительные линии на отдельных участках могли искривляться, приспосабливаться к ландшафту [Градостроительство..., 1994, с. 30–35; Черная, 2002, с. 151]. Поэтому в плане Умревинский острог (топографическая съемка 2002 г.) не отличается правильностью геометрической формы (рис. 3).

Методы исследования

Археологические раскопки на территории Умревинского острога начались в 2000 г. по инициативе Национального музея Республики Тыва при поддержке администрации Новосибирской обл. под руководством А.В. Шапошникова.

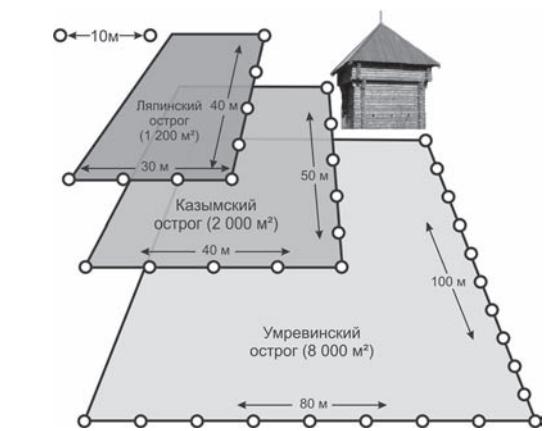

Рис. 2. Схема соотношений площадей острогов.

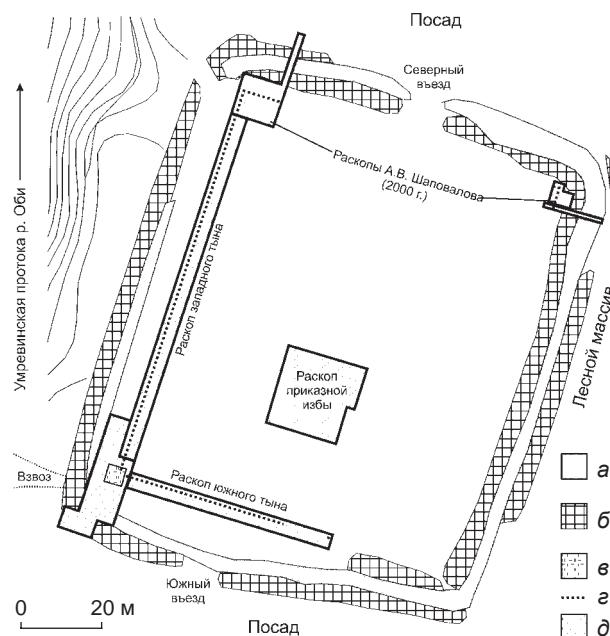

Рис. 3. Топографический план-схема Умревинского острога.

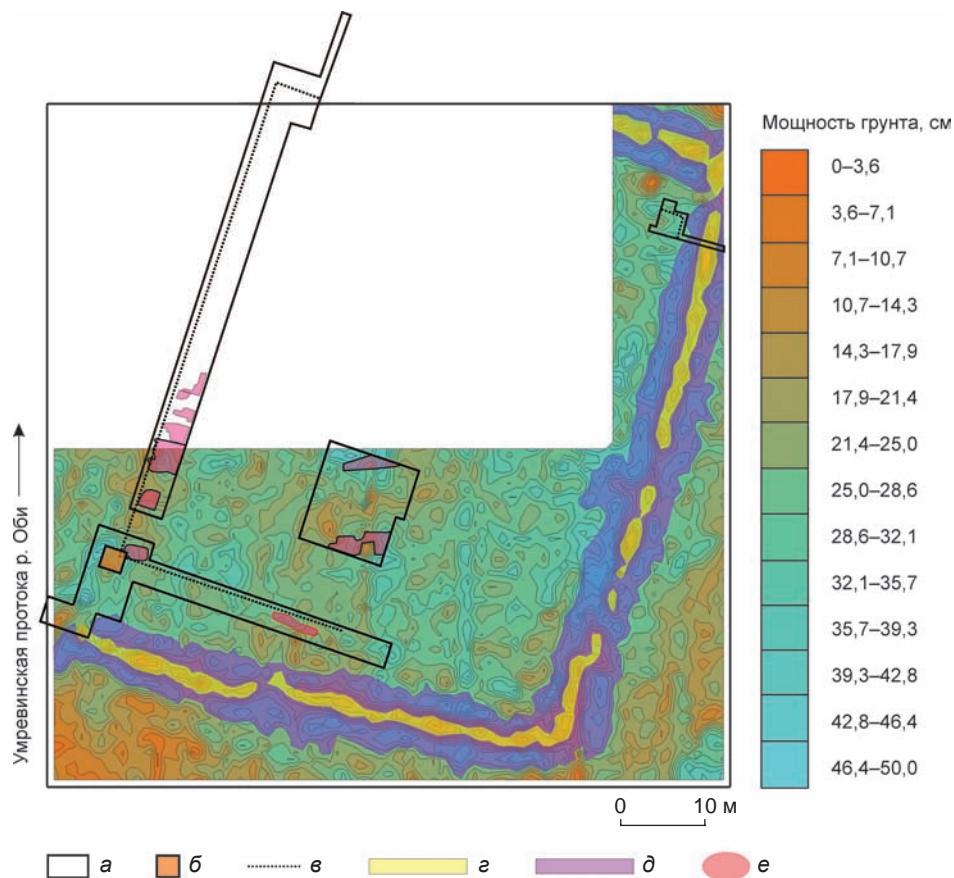

Рис. 4. Совмещение геофизической карты и топографического плана части территории Умревинского острога.
а – раскоп; б – башня; в – тын; г – ров; д – вал; е – вскрытые погребения.

валова*. Они охватили северную часть оборонительных сооружений на площади ок. 100 м² (рис. 3). С 2002 по 2004 г. археологические работы на памятнике проводились одним из авторов публикации**. Были исследованы три участка оборонительных сооружений (рис. 3): юго-западный угол у края террасы недалеко от взвоза с реки (вскрыто 96 м²) с целью выявления остатков башни [Бородовский, 2002; 2003] для ее реконструкции к 300-летнему юбилею острога в 2003 г.; западная линия тыновых укреплений (вскрыто 212 м²) и половина (западная южной (вскрыто 81 м²).

*Шаповалов А.В. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2000 г. – Архив Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области.

**Бородовский А.П. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2002 г. – Архив Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области.

В 2002 г. до проведения раскопочных работ был применен естественно-научный метод малоглубинного индукционно-частотного зондирования с помощью электромагнитного сканера ЭМС-2, который впервые использовался на памятнике типа «острог». Была исследована структура грунта в южной половине и в северо-восточном углу на глубину до 0,5 м (работа выполнена Ю.А. Манштейном). Результатом применения данного метода стала геофизическая карта удельного сопротивления грунта электромагнитным волнам (рис. 4), на которой дифференциация участков местности по этому показателю отражена 14-компонентной цветовой гаммой (от ярко-оранжевого до ярко-синего). Оранжевыми оттенками представлена некая структура, напоминающая своими очертаниями и местом расположения фрагмент земляных оборонительных укреплений Умревинского острога. При совмещении геофизической карты и топографического плана она совпадала со рвом. С внешней и внутренней сторон ров на карте окаймляет структура, представленная гаммой синего цвета. Она совмещается с валами на топографическом плане.

Ров образуется путем изъятия грунта, поэтому ниже его нет участков, потревоженных человеком. Вал, напротив, является структурой, образованной потревоженным грунтом. Поэтому, чем больше смещение в сторону синей части цветовой гаммы, тем больше мощность такого грунта. Каждому цвету соответствует мощность грунта в 3,57 см (50 см/14 цветов). Определить структуру потревоженного слоя можно только на глубину до 0,5 м. Участки с большей мощностью грунта независимо от ее величины на геофизической карте представлены самым интенсивным синим цветом. Это не связано с возможностями ЭМС-2, а определено его конкретными настройками для проведения данного исследования [Бородовский, Манштейн, 1998]. Используя предложенный способ интерпретации геофизической карты, удалось уточнить планиграфию земляных оборонительных сооружений и выявить скрытые конструктивные элементы, которые могли быть обнаружены только в ходе раскопок [Горохов, 2003, 2006а, б].

Земляные оборонительные сооружения

Земляные оборонительные сооружения Умревинского острога, представленные рвом и валами, имеют в плане подквадратную форму и расположены длинными сторонами вдоль реки по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 3, 4). Размеры 86,5 × 70 м, что в единицах измерения начала XVIII в. соответствует 40 × 31,2 печатным саженям [Шостынь, 1975, с. 256].

На основе визуального наблюдения и анализа геофизической карты можно составить представление о планиграфии земляных оборонительных сооружений. Ров окружает тын острога и прерывается один раз напротив места предполагаемого северного въезда. Здесь же существует разрыв внешнего и внутреннего валов. Западная часть рва практически не видна на местности, т.к. разрушена грунтовой дорогой. Валы по обе стороны рва визуально не прослеживаются сплошными. Внутренний наблюдается на северном и восточном участках, а также в крайней восточной четверти южной части оборонительных сооружений. При этом есть разрыв непосредственно в юго-восточном углу. В западной части внутренний ров не прослеживается. Возможно, он разрушен грунтовой дорогой. Внешний вал наблюдается на западной и южной сторонах. На юге есть разрыв, по ширине соответствующий таковому в районе северного въезда. Внешний вал прослеживается также в крайней западной четверти северной части земляных оборонительных сооружений, непосредственно на северо-восточном углу и на центральном участке восточной стороны (длина этого участка равняется приблизительно половине ее протяженности). Геофизические данные позволяют существенно уточ-

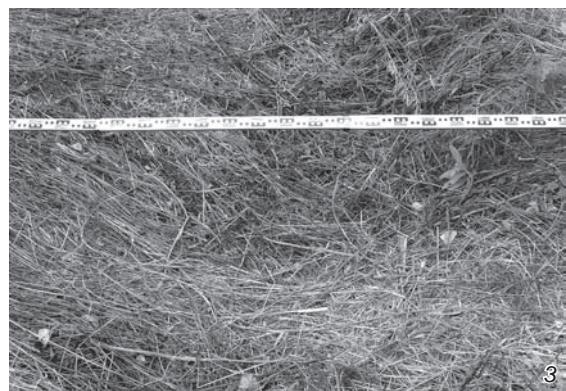
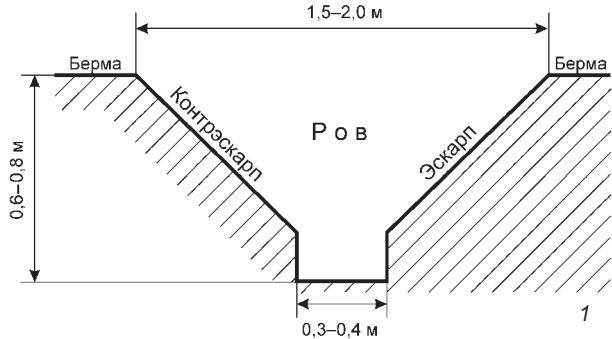

Рис. 5. Ров на юго-западном участке земляных оборонительных сооружений.

1 – схема сечения рва [Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон..., 2006, с. 137]; 2 – стратиграфический разрез; 3 – современный вид рва в районе юго-западной башни (съемка 2007 г.); 4 – стратиграфия его заполнения за 2003–2007 гг.

Рис. 6. Этапы расчистки остатков западного тына (1–4).

нить планиграфию. Северный ров, по крайней мере, в одном месте имеет искусственное заполнение, которое не идентифицируется на местности. Четыре участка с таким же заполнением есть и в восточном рве, один – в южном. Внутренний и внешний валы являются сплошными. То, что на местности они прослеживаются не везде, может быть связано с их естественным разрушением, но массы искусственно перемещенного грунта отчетливо зафиксированы ЭМС-2.

В ходе археологических раскопок Умревинского острога был исследован ров на юго-западном участке земляных оборонительных сооружений (рис. 5). Его ширина 1,5–2,0 м, на уровне материка – 0,35–0,4, глубина 0,6–0,8 м (от уровня материка) [Бородовский, 2002]. В течение 2003–2007 гг. велись наблюдения за заполнением этого участка рва, которые позволяют судить об интенсивности и характере происходящих изменений. Наиболее мощное заполнение сформировалось на дне (12–14 см), полностью нивелировав нижний конструктивный элемент рва. Стенки перекрывают слой грунта толщиной 1–2 см. За период наблюдений вся поверхность рва покрылась растительностью. Незначительные размеры земляных оборонительных сооружений связаны с тем, что в XVIII в. они постепенно теряют былое значение для обороны острогов [Шаповалов, 1997].

Тыновые укрепления

Непосредственно под дерновым слоем начинало прослеживаться заполнение тыновой канавки в виде полосы желтого суглинка (рис. 6, 1). Канавка присутствует на всех исследованных участках. Ее ширина до 50 см, глубина до 87 см от материкового уровня (рис. 7, 3), что вполне соответствует стандартам конца XVII в. – 1–1,5 аршина (71,0–105,5 см).

Между сохранившимися в канавке тынинами различия в расстояния различные (см. таблицу). Отсутствие тынин на ряде участков канавки, а также наличие в ее заполнении пустот свидетельствуют о том, что часть из них после прихода в негодность выдергивалась.

Как правило, перед строительными работами определялось точное количество бревен для «тынового леса». Например, по приказу воеводы Попова для ремонта Илимского острога в 1753 г. их было заготовлено не менее 1 500. Учитывалось количество тынин между башнями. В описании Илимского острога (1703 г.) указано: от Спасской проезжей башни до наугольной, по правой стороне укреплений на расстоянии 12 печатных саженей ($2,16 \text{ м} \times 12 = 25,92 \text{ м}$), установлено 115 тынин, от наугольной до средней Богоявленской проезжей на участке длиной в 61 сажень ($2,16 \text{ м} \times 61 = 131,76 \text{ м}$) – 648 (см.: [Васильевский, Моддин, Седякина, 1978]).

Рис. 7. Один из сохранившихся фрагментов западного тына (1, 2) и тыновая канавка после удаления заполнения (3).

Перечень сохранившихся тынин западного тына

Квадрат	Кол-во тынин	Длина ряда, м	Расстояние до следующих(ей) тынин(ы), м	Сохранность
АЖ 4	2	–	–	Целые
АЛ–АП	14	3,3	4,25	»
АУ–АЧ	23	5	3	1 тлен – 11 целых – 10 тлен – 1 целая
АШ	1	–	0,7	Целая
АЩ	1	–	0,5	»
АЭ–АЮ	8	–	1,3	Целые
БА	1	–	2,2	Тлен
ББ	1	–	0,8	»
БВ	3	–	0,7	»
БГ	2	–	0,4	»
БК	3	–	5,5	Целые
БМ–БО	3	1	1,7	»
БС	1	–	3,5	Целая
БТ–БЦ	17	2	4,2	9 целых – 8 тлен

В западном тыне Умревинского острога могло быть до 366 тынин. Из них сохранился 21 % (см. таблицу). Для сооружения тына каждое бревно раскалывали на две половинки (рис. 8), которые чаще всего устанавливались в канавку выпуклой стороной наружу, однако некоторые тынини – наоборот. Число заготовленных бревен для западного тына могло составлять до 183.

Несколько ям от столбов располагалось с восточной стороны западного тына на расстоянии от 0,8 до 2,4 м от него. Интервалы между ними составляли от 2,3 до 4,0 м. По направлению к юго-западной башне отмечалось постепенное удаление этих ям от тыновой канавки. В непосредственной близости от башни установить их наличие не удалось. Возможно, ямы от столбов были срыты при многократном сооружении

здесь могил (рис. 9). Эти столбы являлись опорами для помоста, пристроенного с внутренней стороны к западному тыну (рис. 10). Парное расположение некоторых ямок, вероятно, связано с ремонтом опор. На северо-западном краю острога ямки от столбов не обнаружены. Возможно, они были уничтожены в результате активного антропогенного воздействия (грунтовая дорога и распашка).

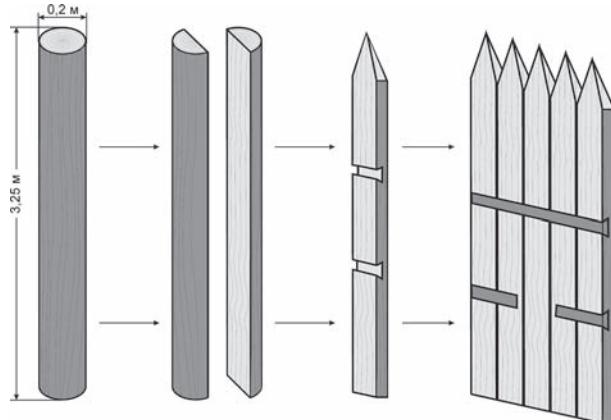

Рис. 8. Схема основных стадий технологии изготовления тыновой стены.

Канавка южного тына на расстоянии 28 м от юго-западной набережной башни прерывается и возобновляется только через 6 м. Это может объясняться тем, что здесь находились ворота южного въезда в острог или располагалась проездная (либо непроездная) башня без ленточного свайно-столбчатого фундамента. Однако разрыв тыновой канавки не вполне соответствует разрыву в системе рва и валов, зафиксированному на местности (см. рис. 3). На всем протяжении раскопанной части южного тына с внешней стороны острога следует серия ямок различных размеров. Возможно, они остались от элементов ограды некрополя, сформировавшегося на территории острога в XIX в. Такие же ямки расположены и в районе разрыва тыновой канавки.

В раскопе западного тына встречались многочисленные кованые железные гвозди и несколько скоб (рис. 11). Они могли скреплять элементы тына и помоста, а также деревянных погребальных конструк-

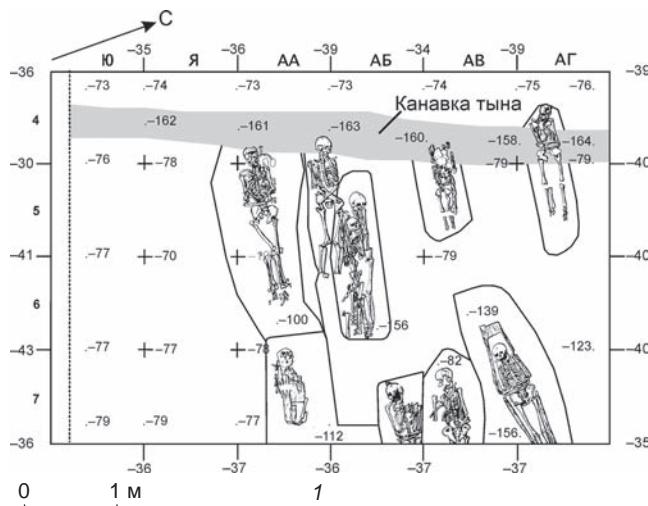
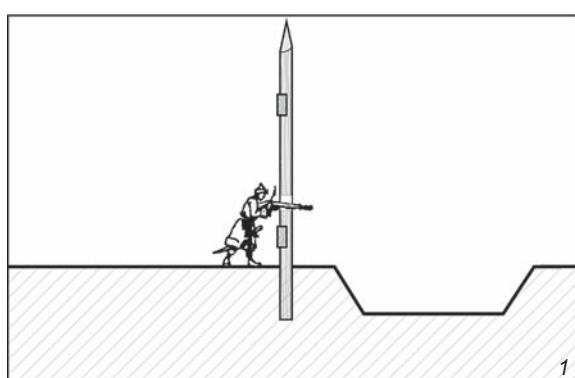

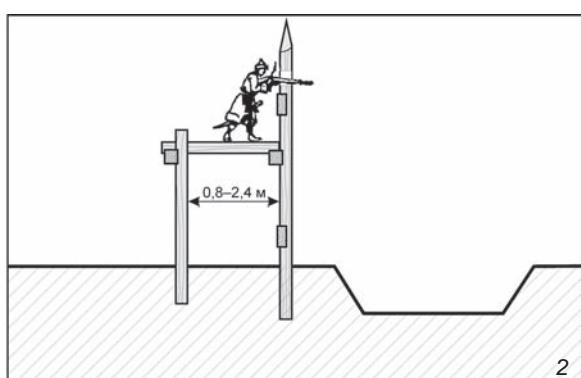
Рис. 9. Фрагмент русского некрополя в южной части раскопа западного тына.

2

1

2

Рис. 10. Модель тыновых укреплений без помоста (1) и с помостом (2).

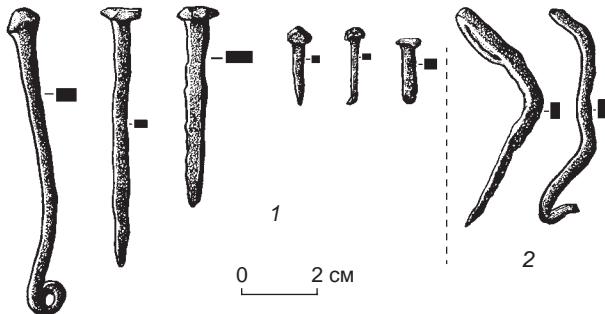

Рис. 11. Гвозди (1) и скобы (2) из раскопов деревянных оборонительных сооружений.

ций в могилах, примыкающих непосредственно к тыну. Однако все гвозди найдены только в могильных ямах. Можно предположить, что часть из них некогда скрепляла элементы тынового укрепления и позднее попала в могилы при их сооружении. Но, поскольку гвозди полностью отсутствуют вне связи с могильными ямами, скорее всего, они при сооружении и ремонте тына и помоста не использовались. Кроме того, большинство относительно крупных экземпляров располагались по периметру гробов и колод и, по всей видимости, скрепляли их части. Короткие гвозди (ок. 2,5 см) не могли служить для скрепления элементов тына и принадлежали, скорее всего, обуви, аналогичной той, что зафиксирована в одном из погребений на центральном участке внутреннего пространства острога.

Две скобы (7–8 см), обнаруженные рядом с тыновой канавкой на расстоянии ок. 18 м друг от друга, напротив, не находились в могильных ямах и могли быть скрепляющими элементами тына или, что более вероятно с учетом их размеров, помоста [Горохов, 2007]. Типологически они близки к тем, что применялись при строительстве и ремонте судов. Когда суда приходили в негодность, скобы изымались и могли быть использованы для других целей. Так, по данным письменных источников, в окрестностях Чаусского острога осуществлялась расковка дощников [Миненко, 1990]. Аналогичные факты выявлены при археологическом исследовании Мангазеи [Визгалов, 2006].

Конструкция тына и помоста, вероятно, была обусловлена в т.ч. и нуждами артиллерии. Косвенно на это указывают находки 2002 г. В 200 м к северу от острога, на территории приусадебного участка лесника, было обнаружено скопление 15 железных ядер диаметром 4,2 см и массой 310 г, что соответствует калибру в $\frac{3}{4}$ гривенки (фунта) (рис. 12, 2). На их поверхности отчетливо видны литейные швы. Вероятно, ядра являлись зарядом для «затинной» пищали (артиллерийское орудие для стрельбы по живой силе противника). Такие орудия могли размещаться на помосте.

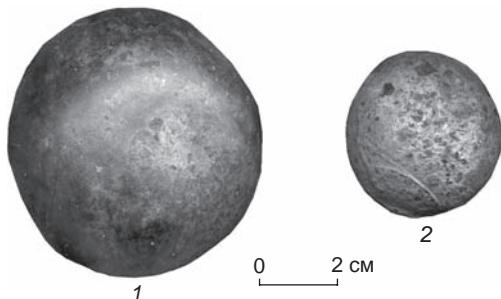

Рис. 12. Ядра, найденные в непосредственной близости от Умревинского острога.

Деревянные оборонительные сооружения нуждались в систематическом ремонте. Каждые 5–10 лет чинили тесовые покрытия. Мелкие текущие ремонты острогов выполняли в среднем через 29 лет [Варфоломеев, Шаповалова, 1991]. Как отметил Д.Г. Мессершмидт в своем путевом описании, спустя 19 лет после основания (ок. 1722 г.) Умревинский острог был частично разрушен [Messerschmidt, 1962, S. 74–78]. Вероятно, в первой трети XVIII в. произошелся какой-то ремонт его укреплений. Посетивший эти места в 1734 г. Г.Ф. Миллер отметил, что Умревинский острог состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями и церковью Трех Святителей (см.: [Элерт, 1988, с. 76]).

Позднее, очевидно в самом конце XVIII в., на территории острога стал формироваться некрополь. Судя по хронологии захоронений, основывающейся на особенностях нательных крестов и внутримогильных деревянных конструкций (колод и гробов), наиболее ранней его частью является юго-западный край. Здесь образовались целые комплексы ярусных захоронений, иногда перерезающих западный тын (см. рис. 9) [Бородовский, Воробьев, 2005] (аналогичная ситуация была прослежена во время исследований Красноярского острога [Тарасов, 2003]). Это свидетельствует о том, что к началу XIX столетия Умревинский острог в качестве единого оборонительного сооружения уже не существовал. Значительная часть тынин не сохранилась в тыновой канавке, т.к. была удалена при сооружении некрополя и хозяйственной деятельности.

Башня

Археологическое исследование башен русских острогов в Сибири является не только одной из актуальных задач в ходе проведения полевых работ, но и важным основанием для последующих реконструкций данных оборонительных сооружений. Особое значение это приобретает в случае полного отсутствия их наземных деревянных конструкций. Можно

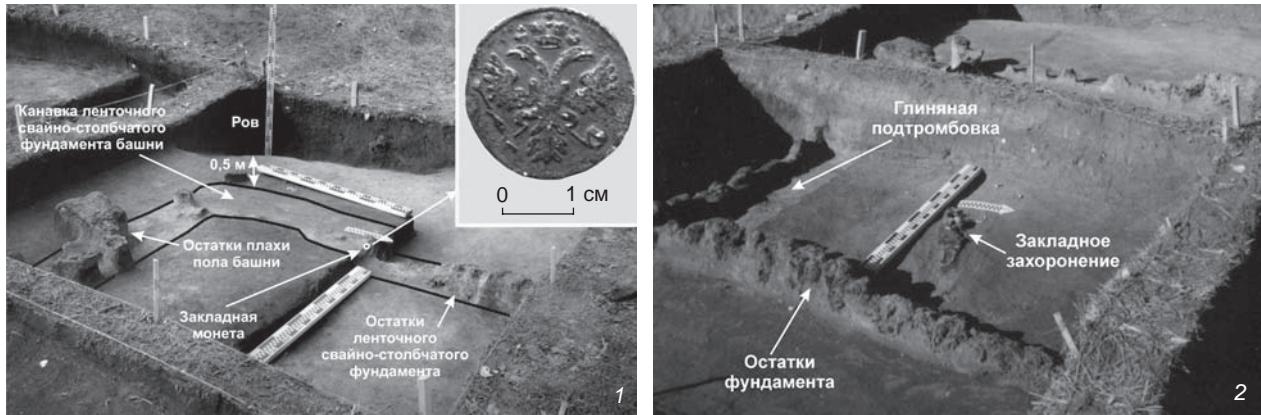

Рис. 13. Часть фундамента юго-западной набережной башни.

Рис. 14. Ленточный свайно-столбчатый фундамент жилого дома середины XX в. на севере Верхнего Приобья (с. Юрг-Акбальк Кольванского р-на Новосибирской обл.).

привести, пожалуй, лишь одно исключение – Казымский (Юильский) острог, башни которого, возведенные, согласно дендрохронологическим данным, в первой половине XVIII в. [Комин, 1980, с. 126], сохранились на момент его исследования в достаточно полном виде [Молодин, Добжанский, 1978]. В других случаях, как правило, башни не только не сохранились, но и пока не выявлены в ходе археологических раскопок [Черная, 2002, с. 150].

Юго-западная набережная башня Умревинского острога на момент ее изучения была представлена остатками подквадратного ($3,2 \times 3,5$ м) ленточного свайно-столбчатого фундамента (рис. 13). Он состоял из полубревен диаметром до 20 см, длиной от 50 до

78 см, установленных вертикально, плотно друг к другу с последующей подтромбовкой глиной в канавообразном углублении. Сваи южной и восточной частей ленточного фундамента расположены вплотную к внешней стенке канавки и подтромбованы с внутренней стороны, а северной и восточной – наоборот.

Устойчивая традиция земляных работ по устройству ленточных фундаментов древнерусских оборонительных сооружений существовала с IX столетия. В XVII–XVIII вв. составлялись особого рода инструкции по определению качества грунта при возведении таких сооружений [Шор, 1958, с. 28]. Например, в грамоте Сибирского приказа, направленной в г. Тюмень в 1700 г., предписывалось найти участок с «твердой землей», где следовало вырыть рвы для фундамента укреплений [Копылова, 1979, с. 121]. Слабые грунты требовали уплотнения и усиления оснований под крепостными сооружениями путем забивки свай [Черная, 2002, с. 136]. Эолово-делювиальные лесовые суглинки среднечетвертичного возраста Приобского плато на большей части современного Мошковского р-на Новосибирской обл. являются достаточно слабыми грунтами с низкой несущей способностью. Поэтому наиболее рациональным типом фундамента на этой территории является свайный [Районы..., 1996, с. 101]. Он до сих пор распространен на севере Верхнего Приобья (рис. 14).

Фундамент юго-западной набережной башни перекрыт глиняной засыпкой, видимо необходимой для лучшей сохранности нижних венцов. Над ней обнаружены отдельные фрагменты перекрытия из плах (см. рис. 13, 1). Они располагались исключительно вдоль длинной оси острога. Выяснение наличия деревянного пола в острожных башнях и того, как он укладывался, достаточно важно. В традиционной русской домостроительной архитектуре жилища с настланым из досок полом появились только в начале XVIII в. Наличие или отсутствие дощатого пола имело социаль-

ный и региональный аспекты [Громов, 1985, с. 327]. Особый государственный статус острожных сооружений и обширный опыт строительства заимок, зимних изб в Сибири дают веские основания для предположения о существовании такого пола в башнях. Материалы других сибирских острогов позволяют говорить о двух вариантах настила пола: вдоль длинной оси острога и поперек. В сибирских условиях башни острогов использовались и как жилое помещение. Поэтому для сохранения тепла в них делалась изоляция нижних и верхних ярусов. В частности, известно утепление межэтажного перекрытия из глины и земли [Черная, 1996, с. 109]. Глиняная засыпка основания юго-западной набережной башни Умревинского острога вполне могла иметь именно такое назначение.

Не исключено, что на башне находилось артиллерийское орудие. Косвенно об этом свидетельствует обнаружение ядер. В 2003 г. местный житель передал А.П. Бородовскому артиллерийское ядро диаметром 7 см (калибр 4 фунта), найденное на берегу Умревинской протоки, непосредственно напротив острога (см. рис. 12, 1). По рассказам местных жителей, еще одно такое же ядро было обнаружено в 4 км южнее острога на правом берегу р. Оби.

Северо-восточный угол юго-западной башни был перерезан более поздним коллективным захоронением (рис. 15, 1). Кости девяти человек (взрослых и детей) находились непосредственно у входа в нее. Погребенные были уложены несколькими ярусами, от двух до трех человек в каждом. Глубина захоронения от материковой поверхности небольшая (0,3–0,6 м). Дверной проем был смещен к северо-восточному углу сруба так, как это было принято до недавнего времени в рубленых русских домах и небольших хозяйственных постройках.

Под глиняной засыпкой основания юго-западной башни обнаружено захоронение младенца (не старше 2 месяцев – определение антрополога Д. Позднякова) в колоде непосредственно на погребенной почве. Оно появилось до возведения башни. Младенец был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Из сопроводительного инвентаря найден только православный нательный бронзовый проушной крест. Место расположения захоронения не исключает его закладной характер (см. рис. 13, 2). Несмотря на то что такого рода жертвы противоречат канонам христианства, они имели довольно широкое распространение в практике строительства [Кубан, 2007].

На одной из центральных свай западной стороны фундамента башни реверсом вверх лежала медная монета – «денга» 1730 г. (см. рис. 13, 1). Возможно, она была закладной, а не случайно утерянной. На российском флоте в XVIII в. существовала традиция «прятать монеты, отчеканенные в год постройки корабля» [Дыгalo, 2000, с. 119]. Не исключено, что и расположение

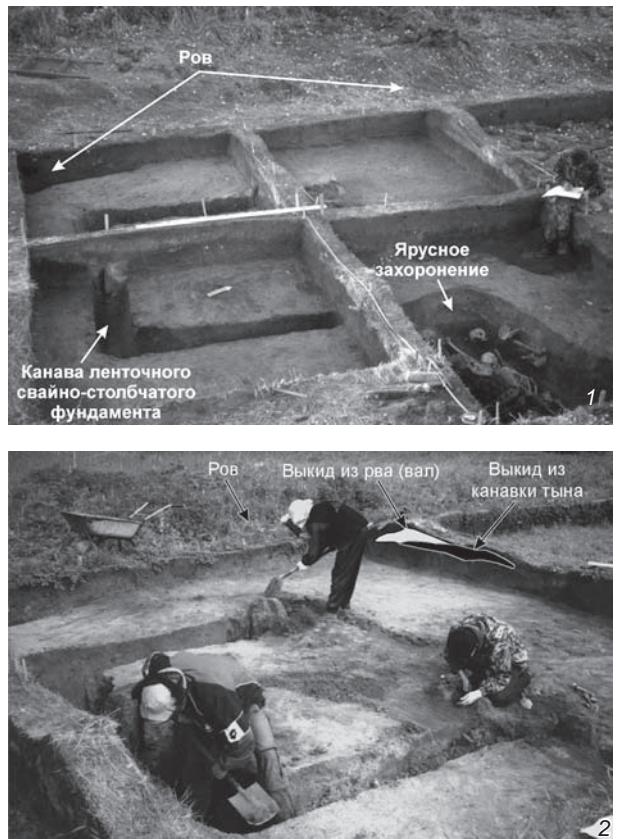

Рис. 15. Раскоп юго-западной набережной башни.

монеты гербом (реверс) Российской империи вверх было также не случайно. В конце XIX – начале XX в. при закладке крестьянских домов первыми всегда кладили продольные бревна, что, по поверьям, должно было обеспечить благополучие семьи. По углам оклада помещали кусочки хлеба, маленький камешек и деньги – жертву домовому, «суседке» [Бардина, 1994, с. 121]. На территории Новосибирской обл. вплоть до недавнего времени сохранялись сходные ритуалы. Например, в пос. Сузуне и д. Стародубровино Мошковского р-на под окладной венец, на фундамент, в четырех углах будущей избы закладывали по монете, «чтобы водились деньги». В деревнях Мамоново и Старобибеево Болотниковского р-на также закладывали монеты [Майничева, 2002, с. 85]. Поэтому «денга» на фундаменте башни, видимо, не случайна. Именно здесь располагался передний угол Умревинского острога. Обнаружение закладной монеты позволяет выделить два периода строительства деревянных оборонительных сооружений: 1) до возведения юго-западной набережной башни (на ее месте находился угол тына); 2) постройка юго-западной набережной башни в системе уже сложившихся тыновых укреплений (не ранее 1730 г. и не позднее 1734 г., когда было составлено описание Умревинского острога Г.Ф. Миллером).

Башня располагалась на одной из самых высоких площадок острога около взвоза, ведущего к реке (см. рис. 3, 4). По размерам сруба (полуторосаженный стандарт) и угловому расположению входа башня ближе всего к одночастному типу крестьянского жилища [Медведев, 1985, с. 37]. Такие параллели не случайны, поскольку в росписи строений Каштацкого острога конца XVII в. указывалось, что в «том остроге построено на четырех углах четыре избы. А на трех избах построены три башни» (цит. по: [Бородовский и др., 2005, с. 67]). Они могут быть аргументом в пользу конструктивных архаизмов угловой юго-западной башни, связанных с наследием допетровской Руси.

По вопросу о количестве башен в Умревинском остроге существует несколько мнений. Одно из них принадлежит Г.Ф. Миллеру, который в своем описании острога за 1734 г. указал, что он «состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями» (цит. по: [Элерт, 1988, с. 76]). Очевидно, именно на основании этого описания в конце 80-х гг. XX в. была выполнена одна из первых реконструкций Умревинского острога, опубликованная в книге Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского [1989, с. 277]. В ходе археологических исследований на северо-западном и северо-восточном углах тыновых укреплений остатки башен не выявлены.

Ров, примыкающий к юго-западной набережной башне, был перекрыт обильными следами интенсивного горения. Возможно, это связано с заключительным этапом ее существования, когда она могла быть сожжена. Известен прецедент с деревянной башней Ляпинской крепости. В 1927 г. ее сжег местный крестьянин, «поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали» [Крадин, 1988, с. 89]. Для территории Умревинского острога такой вариант вполне вероятен, поскольку вплоть до недавнего времени эти земли интенсивно использовались под посадку картофеля и сенокосы. Время возникновения пожара во рву на юго-западном краю острога маркируют фрагменты русской керамики, точная атрибуция которой в будущем позволит установить относительную хронологию данного события.

Заключение

Умревинский острог – один из уникальных объектов, связанных с освоением русскими территории Верхнегорного Приобья в начальный период вхождения земель юга Западной Сибири в состав Российского государства. Его оборонительные сооружения представлены внутренним и внешним валами, рвом, набережной угловой башней, тыном и помостом. Исследовано чуть менее половины всей протяженности тыновых укреплений, что составляет 490 м². Выявлены два строительных периода. В первой трети XVIII в. был возведен палисад

в виде тына и земляных оборонительных сооружений. Определено, что сначала вырыли ров, а затем канавку для установки тына, как это имеет место на юго-западном участке оборонительных сооружений. Выкидом грунта из рва и канавки тына был образован внутренний вал. Второй строительный период приходится на 1730–1734 гг. и связан с возведением набережной угловой башни, строительство которой сопровождалось комплексом ритуальных действий (помещение закладного захоронения и закладной монеты).

Вопрос о наличии артиллерийских орудий на территории Умревинского острога является дискуссионным. По данным Г.Ф. Миллера, оставившего описание Умревинского острога, в 1734 г. гарнизон не располагал артиллерией. Письменные источники XVIII в. уделяют мало внимания этому. Как выразился Г.Ф. Миллер в своем труде по истории Сибири, «к тому же сие в истории не весьма важно» [1750, с. 274], что ярко характеризует степень освещенности данного вопроса в его работе.

Наиболее вероятными представляются следующие версии относительно попадания ядер на территорию, прилегающую к острогу. Первая – ядра были зарыты в землю для хранения. Данная версия основана на аналогичном прецеденте, описанном в труде П.А. Словцова: дворянин Зиновьев, направлявшийся из Москвы к Хабарову с различными грузами, среди которых были и пушечные ядра, зарыл эти ядра в землю в Тугирском остроге «как бы ненужные» [1886, с. 49]. Вторая версия – ядра, зарытые в землю, маркировали принадлежность данной местности российскому государю. Основание – прецедентный случай, когда в лагере В. Беринга на Командорских островах был совершен аналогичный акт [Станюкович, 1998]. Наконец, третья версия – кража ядер как предметов, имевших высокую ценность и состоявших на строгом учете [Толмачев, 1999, с. 232]. Например, при раскрытии «заговора» в Якутске в 1690 г. его инициаторы были обвинены в том, что хотели «великих государей пороховую и свинцовую казну пограбить» [Башкатова, Половинкин, 1980, с. 156].

К концу XVIII столетия оборонительные укрепления, вероятно, пришли в негодность, а на территории острога начал формироваться некрополь. Наиболее поздний его край к XIX в. занял северо-западную часть острога. Именно здесь внутренний вал перекрывает тын.

Сравнение данных письменных источников с полученными в ходе археологических исследований показывает различную степень отражения реальности. Категоричное мнение В.Н. Курилова о том, что реконструкции, основанные на археологических или графических материалах, гипотетичны, а памятники письменности дают довольно обширную и, главное, достоверную информацию по истории первого эта-

па сибирской деревянной архитектуры [1989, с. 87], методически и фактически не верно [Черная, 2002, с. 131]. Например, в различных описаниях Томского кремля, сделанных в XVII в., очевидно разнотечение в количестве башен [Там же, с. 83]. В отношении Умревинского острога это справедливо вдвойне, поскольку письменных источников по нему почти не сохранилось, а известные описания настолько скучны, что получить более или менее полное представление о памятнике без археологических данных невозможно.

Список литературы

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в 17 в. // Города Сибири: (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 7–37.

Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2. – С. 101–164.

Башкатова З.В., Половинкин И.Ф. К истории рода Поломошных и их деятельности в Сибири // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 141–157.

Бородовский А.П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 258–265.

Бородовский А.П. Продолжение исследований Умревинского острога // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 337–339.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению истор.-культур. наследия, 2003. – 44 с.

Бородовский А.П., Воробьев А.А. Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2005. – С. 191–202.

Бородовский А.П., Косарева И. Умревинский острог: три столетия сибирской истории. – Новосибирск: Сибирская Горница, 2003. – 68 с.

Бородовский А.П., Манштейн А.К. Использование средств электромагнитного сканирования при изучении археологических памятников юга Западной Сибири: (Исследовательская программа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 483–487.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцов Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Варфоломеев Ю.А., Шаповалова Л.Г. Обеспечение долговечности памятников деревянного зодчества при эксплуатации // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российской Севера:

Межвуз. сб. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1991. – С. 150–155.

Васильевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 215–232.

Визгалов Г.П. Мангазея – первый русский город в сибирском заполярье (по материалам новых археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 21 с.

Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. – СПб., 1896. – Вып. 5. – 180 с.

Горохов С.В. Малоглубинное индукционно-частотное зондирование в археологии Западной Сибири // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы 43-й Всерос. (с международным участием) археол.-этнограф. конф. молодых ученых. – Томск: Том. гос. ун-т, 2003. – С. 36–37.

Горохов С.В. Археологические и геофизические исследования Умревинского острога // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2006а. – Вып. 2: Мат-лы II Регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 1–2 декабря 2005 г. – С. 38–43.

Горохов С.В. Корреляция археологических и геофизических данных по материалам Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVI Регион. (II Всерос.) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. Красноярск, 28–30 марта 2006 г. – Красноярск, 2006б. – Т. 1. – С. 195–197.

Горохов С.В. Скобяные изделия Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. (III Всерос. с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 156–158.

Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. – М.: Стройиздат, 1994. – 317 с.

Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – Ч. 1. – С. 317–342.

Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. – М.: Крафт+, 2000. – 383 с.

Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 121–126.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII–XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 255 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 190 с.

Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или Терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого / сост. А.А. Смирнов. – М.: Изд-во ГИМ, 2006. – 232 с.

Кубан А.А. Изучение строительных жертвоприношений немецкими исследователями XX века // Археология, этно-

логия, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. (III Всерос. с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 245–247.

Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 87–94.

Кызылсов Л.Р. Государства Южной Сибири в XVI–XVIII вв. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 138–141.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 143 с.

Медведев П.П. Типология крестьянского жилья беломорского Поморья второй половины XIX – первой трети XX в. // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвуз. сб. – Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 1985. – С. 36–47.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1750. – Кн. 1. – 490 с.

Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области: Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – С. 80–91.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. – 183 с.

Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 191–202.

Районы и города Новосибирской области: Природ.-эконом. справочник 1996 г. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1996. – 519 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие

древних цивилизаций: Сб. науч. ст. – Новосибирск: [Б.и.], 1999. – Вып. 2. – С. 185–207.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: [Тип. И.И. Скороходова], 1886. – 417 с.

Станюкович А.К. Археологические комплексы лагеря экспедиции Беринга на правом берегу р. Командор // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. – Владивосток: [Б.и.], 1998. – Т. 3. – С. 115–128.

Тарасов А.Ю. История изучения Красноярского острога // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: [Б.и.], 2003. – Вып. 2. – С. 78–81.

Толмачев Е.П. Исторические портреты // Сб. Рус. истор. об-ва. – М.: Наука, 1999. – Т. 1 (149). – С. 230–236.

Черная М.П. Нарымский острог // Земля Парабельская: Сб. науч.-популяр. очерков к 400-летию Нарыма. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 94–116.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Шаповалов А.В. Пограничные крепости Южной Сибири XVIII в.: особенности архитектуры // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития: Тез. докл. Регион. науч.-практ. конф. – Куйбышев, 1997. – С. 12–15.

Шор Д.И. Русское военное инженерное искусство XVI–XVII вв. в свете «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии: Сб. ст. – М.: Воениздат, 1958. – С. 18–35.

Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. – М.: Изд-во стандартов, 1975. – 272 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727: Tagebuchaufzeichnung / Hrsg. von E. Winter, G. Uschman, G. Jarosch. – Berlin, 1962. – Bd. 1. – 379 S.